

МЕЖДУНАРОЖНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 339.97:35.08

Д.А. Рубан¹*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

ДИНАМИКА КОРРУПЦИИ В ПОСТКРИЗИСНОМ МИРЕ

Аннотация. Коррупция характерна для всех государств мира, однако ее уровень существенно различается. В настоящей работе предпринят пространственно-временной анализ его изменений за период 2012–2015 гг. для мира в целом и отдельных крупных регионов (Европа, Африка, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия). Определялись средние и медианные значения показателя коррупции, а также рассчитывались специфические показатели, отражающие меру отличий в распределении коррупции по странам мира между двумя годами. Эти специфические показатели имеют в своей основе коэффициент корреляции, числовой коэффициент Чекановского и индекс Гоуэра. По результатам анализа установлено, что за последние четыре года уровень коррупции в мире практически не изменился и при этом остался сравнительно высоким. Некоторая позитивная тенденция отмечена лишь в Европе. Пространственная динамика была предельно слабой. Это означает, что уровень коррупции в одних государствах практически не менялся в сравнении с таковым в других. По сути это указывает на отсутствие конкуренции между странами за лучшую в отношении коррупции обстановку. Четко выраженных тенденций практически не прослеживается. Последующее обсуждение полученных результатов свидетельствует о том, что распределение коррупции по странам менялось гораздо сильнее при очень высоком и очень низком ее уровнях. Мировой финансовый (экономический) кризис должен был способствовать возникновению разнонаправленных тенденций изменения уровня коррупции в странах мира и, следовательно, достаточно интенсивной динамики. Однако сделанные в настоящей работе выводы свидетельствуют об обратном. Это может быть связано с недостаточно глубоким осознанием фактора коррупции и с тем, что целый ряд стран со сравнительно высоким уровнем коррупции в силу тех или иных экономических или геополитических причин достаточно успешно справился с кризисными явлениями. Кроме того, влияние могла оказать увеличившаяся во время кризиса управленческая дискреция. В целом практически неизменная ситуация с коррупцией в мире не позволяет делать оптимистических прогнозов в отношении будущего экономического развития (в т. ч. основанного на инновациях), равно как и не исключает повтора кризисных явлений в экономике.

Ключевые слова: государственное управление; количественный анализ; коррупция; пространственная динамика; экономический кризис.

Введение

Коррупция является неблагоприятным явлением, которое, к сожалению, в той или иной степени характерно для всех государств. Вследствие ее наличия формируется специфический сектор теневой экономики, развитие которого связано в т. ч. и с процессами глобализации [1]. Это явление активно изучается как и мире, так и в России, и к настоящему времени сформирова-

лось несколько соответствующих теорий, гипотез и даже самостоятельных научных школ [1–4]. Подчас представления о коррупции оказываются весьма противоречи-

¹ Рубан Дмитрий Александрович – Philosophiae Doctor, кандидат геолого-минералогических наук, доцент Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия (344019, г. Ростов-на-Дону, ул. 23-я линия, 43); e-mail: ruban-d@mail.ru.

выми. Так, кажется очевидным, что борьба с ней должна давать ощутимый экономический эффект (например, [5]). Тем не менее анализ статистических данных показывает неоднозначность такой зависимости [2]. Более того, информация по более чем ста странам показывает, что борьба с коррупцией привела к выявлению ее новых проявлений и форм, что результировалось в виде следующего парадокса – усиление антикоррупционных действий соответствует росту коррупции [6]. Исследование постсоветского экономического пространства [7] показало, что открытие новых рынков, приток иностранных инвестиций на фоне процессов глобализации и усиления международной конкуренции вполне могут приводить к значительному росту уровня коррупции в отдельных государствах.

Важными темами для научного изучения является опыт (в т. ч. правовой) противодействия коррупции в различных странах мира [8–10] и установление различий между проявлением коррупции в развитых и развивающихся странах [11, 12]. Хорошо аргументирован тезис о том, что в условиях глобализации именно международная деятельность по борьбе с этим негативным явлением может дать ощутимый эффект [13]. При этом выявлено, что коррупция оказывает воздействие на самые различные аспекты жизни общества, включая, например, создание и развитие электронного правительства [14]. В России традиционно много внимания уделяется возможности использования зарубежного опыта по противодействию этому явлению [16–17]. Что касается систематического мониторинга уровня коррупции в различных государствах мира, то эта задача решается различными организациями (в т. ч. Transparency International и World Audit), предоставляемые ими отчеты тиражируются средствами массовой информации и активно используются учеными.

Ранее ученые-экономисты неоднократно анализировали тенденции изменения коррупционной ситуации в мире и их влияние на экономическое развитие. Например, А.П. Плясовских проследил связь между уровнем коррупции и ВВП на душу населения [18], а У. Коул оценил эффективность антикоррупционных действий в мире в долгосрочной перспективе [6]. Кажется вполне очевидным, что в одних государствах уровень коррупции со временем может возрастать, а в других – напротив, снижаться. В отдельных крупных регионах планеты такие изменения могут происходить по-разному и под воздействием совершенно различных факторов. Мировой финансовый (экономический) кризис, полного завершения которого еще только следует ожидать, несомненно должен был способствовать как изменению коррупционного поведения в государствах, так и мер по недопущению такового. В этой связи актуальным представляется пространственно-временное моделирование динамики коррупции в посткризисном мире, что и является целью настоящей работы. В самом общем виде последняя призвана выявить закономерности (или отсутствие таковых) и, главное, скорость изменения уровня коррупции в мировом пространстве на протяжении последних нескольких лет.

Материал и методика

В качестве исходного материала для анализа использованы значения показателя CPI (индекс восприятия коррупции), рассчитываемого ежегодно организацией Transparency International для большинства государств мира за период 2012–2015 гг. (табл. 1). Значения данного показателя изменяются в пределах от 0 (тотальная коррупция) до 100 (полное отсутствие коррупции). Они отражают уровень воспринимаемой коррупции (признается, что фактический уровень замерить практически

невозможно) в государственном секторе. В настоящей работе показатель анализируется для мира в целом и четырех крупных регионов (табл. 1), характеризующихся некоторой однородностью и наличием достаточного для проведения количественного анализа числа стран, а также представляющих интерес с экономической и геополитической точек зрения. Хотя показатель CPI рассчитывается на протяжении многих лет, с 2012 г. порядок расчета изменился, и, следовательно, только его значения за 2012–2015 гг. могут сравниваться напрямую. Такой временной интервал представляется достаточным для того, чтобы, во-первых, выявить некоторые тенденции в динамике коррупции, а во-вторых, описать эту динамику в посткризисную фазу² мирового экономического развития.

Методика исследования состоит в следующем. На первом этапе определяются средние и медианные значения показателя CPI для мира в целом и выбранных для анализа крупных регионов для каждого из годов временного интервала. Это позволяет описать некоторые общие тенденции. При этом, по понятным причинам, приоритет отдается медианным значениям. На втором этапе анализируются пространственные изменения уровня коррупции (также для мира

в целом и отдельных регионов) путем расчета коэффициента корреляции [19], часто привлекаемого в эконометрике [20], между двумя выборками, каждая из которых образована значениями показателя для всех государств для конкретного года ($Rcpi$). В настоящей работе $Rcpi$ определяется для всех выборок последовательных пар лет анализируемого временного интервала, а также для выборок, характеризующих первый и последний год этого интервала. Последнее позволяет обратить внимание на долговременность фиксируемых изменений. Очевидно, что изменения коррупции были тем больше, чем меньше значение $Rcpi$, которое характеризует именно связь («сходство») двух выборок. В таком случае динамика коррупции в определенном пространстве может быть рассчитана как

$$CD1 = 1 - Rcpi. \quad (1)$$

Так как значения $Rcpi$ изменяются от -1 до $+1$, то значения $CD1$ изменяются в пределах от 0 (отсутствие изменений) до $+2$ (тотальные изменения). Подобного рода подход был использован ранее при изучении пространственной динамики инновационной активности в России [21].

Однако определения динамики коррупции в мире только через показатель $CD1$ видится недостаточным. Во-первых, коэф-

Таблица 1

Географический фокус настоящего исследования*

Показатель	Количество государств	Анализируемый временной интервал	Источник исходных данных
Мир в целом	167	2012–2015 гг.	Transparency International; показатель – Corruption Perceptions Index (CPI) ³
Европа	40		
Африка	51		
Латинская Америка	24		
Юго-Восточная Азия	16		

Примечание. * составлено автором

² В данном случае понятия фазы используется весьма условно в связи с разночтениями в интерпретации длительности и географическом проявлении мирового кризиса.

³ URL: <http://www.transparency.org/cpi2015> (дата обращения: 26.03.2016).

фициент корреляции по определению характеризует не столько сходство, сколько связь. Во-вторых, рост и снижение уровня коррупции в государствах могут быть кратковременными и незначительными; гораздо более важно фиксировать переход этих государств в качественно иную категорию по уровню коррупции. В этой связи на третьем этапе исследования все страны мира дифференцированы по значениям *CPI* на пять категорий. Далее для мира в целом и отдельных регионов определялось количество стран в каждой категории для каждого года анализируемого временного интервала (табл. 2).

Собранная таким образом информация может быть проанализирована с помощью числового коэффициента Чекановского [22] и индекса Гоуэра [23], которые, как было показано ранее [24], могут использоваться в целях экономического анализа. Оба этих показателя (*QCCspi* и *Gspi* соответственно) подобно коэффициенту корреляции позволяют рассчитать сходство выборок, каждая из которых отражает распределение значений (в данном случае количество государств) по категориям для конкретного года. Как и *Rspi*, они определялись для всех выборок последовательных пар лет анализируемого временного интервала, а также для выборок, характеризующих первый и последний год этого интервала. Изменения коррупции в мире были тем больше, чем меньше значение *QCCspi* и *Gspi*, и, следовательно, динамика коррупции в мировом или региональном пространстве определяется как

$$CD2 = 1 - QCCspi \quad (2)$$

и

$$CD3 = 1 - Gspi. \quad (3)$$

Так как значения *QCCspi* и *Gspi* изменяются от 0 до +1, то и значения *CD2* и *CD3* изменяются в пределах от 0 (отсутствие изменений) до +1 (тотальные изменения).

Показатели *CD1*, *CD2* и *CD3* позволяют судить о том, насколько распределение коррупции по странам (с учетом ее воспринимаемого уровня) изменяется с течением времени. Безусловно, при этом важно понимать, происходили ли эти изменения на фоне общего роста, общего снижения уровня коррупции в мире или крупном регионе, о чем можно судить по средним и медианным значениям *CPI*. Важно отметить, что отличия двух показателей динамики (*CD2*, *CD3*) касаются лишь математического аппарата. Их смысловое отличие от показателя *CD1* состоит в том, что они характеризуют более принципиальные изменения, связанные с переходом стран из одной категории в другую с течением времени. В целом судить о динамике коррупции в определенном пространстве (мировом или региональном) стоит на основании всех трех показателей, что и сделано в настоящей работе.

Результаты

Уровень коррупции в мире в течение последних четырех лет менялся слабо. Как средние, так и медианные значения *CPI* увеличивались и уменьшались не более чем на 1 единицу; при этом они оставались умеренными (можно даже сказать, что сравнительно низкими) (табл. 3). Сказанное характерно и для отдельных крупных регионов, за исключением Европы, где, во-первых, для средних и медианных значений *CPI* были характерны несколько большие изменения, а во-вторых, значения показателя были выше, чем в мире в целом и других регионах. Иными словами, более низкий уровень коррупции сопряжен с более интенсивной его динамикой. К этому стоит также добавить, что уровень коррупции в Европе на протяжении четырех лет направленно снижался. Среди проанализированных крупных регионов наименее благоприятная ситуация с коррупцией складывалась в Юго-Восточной Азии и Африке (табл. 3).

Таблица 2

Количество регионов разных категорий по степени коррупции*

Показатель	Категории регионов по значению CPI				
	1 (CPI = 1 – –20)	2 (CPI = 21 – –40)	3 (CPI = 41 – –60)	4 (CPI = 61 – –80)	5 (CPI = 81 – –100)
2012 г.					
Мир в целом	13	83	39	21	11
Европа	0	7	15	11	7
Африка	5	34	11	1	0
Латинская Америка	2	17	3	2	0
Юго-Восточная Азия	2	8	2	3	1
2013 г.					
Мир в целом	16	79	40	22	10
Европа	0	6	17	11	6
Африка	6	33	11	1	0
Латинская Америка	2	17	3	2	0
Юго-Восточная Азия	2	8	2	3	1
2014 г.					
Мир в целом	16	80	38	23	10
Европа	0	6	15	12	7
Африка	7	33	10	1	0
Латинская Америка	2	17	3	2	0
Юго-Восточная Азия	1	9	2	3	1
2015 г.					
Мир в целом	15	82	36	22	12
Европа	0	7	14	10	9
Африка	6	34	10	1	0
Латинская Америка	2	17	3	2	0
Юго-Восточная Азия	1	9	2	3	1

Примечание. * расчеты автора.

Динамика коррупции в посткризисном мире

При этом сравнительно большой разрыв между средними и медианными значениями в Юго-Восточной Азии подчеркивает наличие здесь сравнительно небольшого числа государств со сравнительно низким уровнем коррупции.

Динамика коррупции в мировом пространстве, согласно расчетам показателя *CD1*, оказывается предельно слабой (табл. 4). При этом на протяжении анализируемого временного интервала она оставалась примерно на одном уровне. Однако между крупными регионами есть и различия. В Европе изменения несколько усилились в 2014–2015 гг. То же самое имело место и в Латинской Америке. Напротив, в Африке происходило снижение интенсивности

пространственной динамики на протяжении всего рассматриваемого временного интервала. Кстати, именно для этой части света значения *CD1* оказываются наивысшими, хотя все равно они предельно малы (табл. 4).

Сопоставление сделанных заключений с медианными значениями *CPI* (табл. 3) показывает, что отмеченная выше интенсификация динамики в Европе произошла одновременно со снижением уровня коррупции в государствах этой части света. Однако такого рода связь крайне неоднозначна. Например, как уже было сказано, для Африки установлены наиболее высокие значения показателя *CD1*, тогда как уровень коррупции в странах этого континента весьма высок. С другой стороны, в Африке интенсив-

Таблица 3

Средние и медианные значения *CPI**

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Мир в целом	42,5	42,0	42,6	42,7
	36,0	36,0	37,0	36,0
Европа	58,5	58,7	59,5	60,2
	48,5	48,0	50,5	51,0
Африка	33,5	32,6	33,0	32,6
	33,6	30,0	32,0	32,0
Латинская Америка	37,5	36,8	37,6	37,2
	35,5	35,0	35,5	35,5
Юго-Восточная Азия	42,3	42,5	42,6	42,8
	26,5	28,0	26,5	26,5

Примечание. * расчеты автора. Для каждого года медианные значения указаны ниже средних значений.

Таблица 4

Значения показателя *CD1**

Показатель	2012 v 2013	2013 v 2014	2014 v 2015	2012 v 2015
Мир в целом	0,006	0,004	0,005	0,014
Европа	0,005	0,004	0,007	0,017
Африка	0,021	0,015	0,011	0,038
Латинская Америка	0,006	0,005	0,012	0,013
Юго-Восточная Азия	0,005	0,003	0,002	0,007

Примечание. * расчеты автора.

ность изменения коррупции в пространстве падала на фоне низких значений показателя *CPI*, а в начале интервала – одновременно с их снижением. Стоит также рассмотреть значения *CD1* для пары выборок, характеризующих первый и последний год анализируемого временного интервала (табл. 4). Их небольшая величина в сравнении со значениями этого показателя для пар последовательных лет, устанавливаемая для Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, показывает обратимость изменений уровня коррупции в отдельных государствах. Напротив, процессы, по всей видимости, имели более однонаправленный характер в мире в целом, Европе и Африке.

Обратим теперь внимание на количество стран в категориях, выделяемых по значениям *CPI*. Данные таблицы 2 свидетельствуют, что в мире в целом и отдельных крупных регионах, как правило, наибольшее число государств характеризуется уровнем коррупции существенно выше среднего (категория 2). Исключением является Европа, где большинство стран характеризуются умеренной и даже небольшой степенью развития коррупции. К 2015 г. в этой части света количество государств в категориях 3, 4 и 5 в значительной степени выровнялось в сравнении с 2012 г., в т. ч. за счет увеличения числа стран, попадающих в пятую категорию, которая объединяет страны с наиболее благоприятной обстановкой. Интересно отметить, что социально-экономические достижения в странах Юго-Восточной Азии не привели к качественному улучшению ситуации с коррупцией в этом регионе, и «размер» категорий 3, 4 и 5 оставался там неизменным с 2012 г.

Динамика коррупции, согласно значениям показателей *CD2* и *CD3*, характеризующим качественные изменения, была весьма и весьма слабой (табл. 5, 6). При этом она оставалась на примерно одном и том же уровне, за исключением Юго-Восточной

Азии и отчасти Европы. В Латинской Америке изменений вообще не происходило. Напротив, наиболее значительные изменения имели место в Европе, что параллелизовалось с улучшением ситуации с коррупцией в этой части света (табл. 2). Небольшие значения *CD2* и *CD3* для пары выборок, характеризующих первый и последний год анализируемого временного интервала, в сравнении со значениями этого показателя для пар последовательных лет (табл. 5, 6) свидетельствуют об отсутствии однонаправленности изменений в пространственном распределении коррупции как в мире в целом, так и в отдельных крупных регионах на протяжении анализируемого временного интервала.

Сделанные выше заключения стоит суммировать и должным образом истолковывать. Прежде всего значения всех показателей свидетельствуют о слабости динамики коррупции как в мире в целом, так и в отдельных крупных регионах. Речь идет как о небольших изменениях *CPI* в абсолютном выражении, что устанавливается по средним и медианным значениям этого показателя (табл. 2), так и о незначительных изменениях в уровне коррупции в пространстве, что устанавливается по небольшим значениям показателей *CD1*, *CD2* и *CD3* (табл. 4–6). Первое означает, что ситуация с коррупцией оставалась на протяжении последних лет практически одинаковой (и при этом достаточно неблагоприятной). Второе означает, что уровень коррупции в одних государствах практически не менялся относительно этого уровня в других государствах. По сути это указывает на отсутствие конкуренции между странами за лучшую в отношении коррупции обстановку. Четко выраженных тенденций в динамике практически не прослеживается. Следовательно, распространение рассматриваемого явления в мире меняется не только весьма слабо, но еще и «хаотически». Учитывая

преобладание государств со значительной степенью коррупции, все сказанное выше означает отсутствие хороших перспектив для изменения коррупционной обстановки в мире в лучшую сторону.

Из регионов планеты наиболее интересные наблюдения касаются Европы и Африки. В Европе ситуация с коррупцией медленно улучшалась, будучи и изначально весьма благоприятной. Создается впечатление, что последнее само по себе способствовало более быстрым качественным изменениям в этой части света, связанных с увеличением количества стран в категориях со сравнительно более высокими показателями *CPI*. Иными словами, относительно невысокий уровень коррупции способствовал своего рода конкуренции стран за его последующее снижение. Для Африки установлены наиболее высокие значения *CD1*, однако они не были связаны со сколько-нибудь существенным снижением уровня коррупции. При этом исследова-

тели уже отмечали специфичность данного явления в этой части света [25, 26]. Например, выявлена большая подверженность коррупции представителей наиболее влиятельных этнических групп [26]. В Африке, по-видимому, происходило «хаотическое» изменение коррупционной обстановки, с незакономерным увеличением и снижением соответствующего уровня в отдельных странах в отдельные же годы.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного анализа, представленные выше, позволяют обсудить две важные проблемы, а именно интенсивность изменений уровня коррупции в зависимости от его величины, а также влияние мирового кризиса. Что касается первой из названных проблем, то выше уже отмечалось, что подобного рода зависимость устанавливается, однако не во всех случаях. Для окончательного вывода предлагается проанализировать динамику коррупции в странах,

Таблица 5

Значения показателя *CD2**

Показатель	2012 v 2013	2013 v 2014	2014 v 2015	2012 v 2015
Мир в целом	0,03	0,01	0,02	0,02
Европа	0,05	0,05	0,07	0,05
Африка	0,02	0,02	0,02	0,02
Латинская Америка	0,00	0,00	0,00	0,00
Юго-Восточная Азия	0,00	0,06	0,00	0,06

Примечание. * расчеты автора.

Таблица 6

Значения показателя *CD3**

Показатель	2012 v 2013	2013 v 2014	2014 v 2015	2012 v 2015
Мир в целом	0,02	0,01	0,02	0,02
Европа	0,06	0,06	0,01	0,07
Африка	0,01	0,01	0,01	0,01
Латинская Америка	0,00	0,00	0,00	0,00
Юго-Восточная Азия	0,00	0,04	0,00	0,04

Примечание. * расчеты автора.

которые в период 2012–2015 гг. входили в категорию 5 (для нее характерен наименьший уровень коррупции) и в категорию 1 (для нее этот уровень максимальный) хотя бы один раз. Число первых составляет 14, а вторых – 20. Полученные значения (табл. 7) позволяют сделать два важных заключения. Во-первых, динамика коррупции в странах с наибольшим уровнем коррупции оказывается (за единственным исключением) выше, чем в странах с наименьшим уровнем. Во-вторых, значения *CDI* в обоих случаях оказываются существенно более высокими, чем тем, что рассчитаны для мира в целом (табл. 4), т. е. для государств, относимых ко всем категориям. Это означает, что распределение коррупции по странам меняется гораздо сильнее как при очень высоком, так и при очень низком ее уровнях. Это следует понимать следующим образом. Государства, которые подвержены коррупции слабо, либо более активно борются с ней, либо им легче это сделать, что, в конечном итоге, приводит к их осознанной или непроизвольной конкуренции. Государства, которые, очень сильно подвержены этому явлению, либо активно пытаются бороться с ним, либо, напротив, позволяют ему распространяться все больше, что также приводит к существенным изменениям в распределении коррупции между ними.

Представленные соображения могут быть дополнены и еще одним наблюдением. Среди государств, для которых определены значения показателя *CPI* за 2012–2015 гг., могут быть выбраны те, в которых эти значения непрерывно росли на протяжении анализируемого временного интервала. Таковых оказывается всего лишь 10 (табл. 8), что составляет чуть менее 6 % от общего количества. Интересно отметить, что среди этих государств нет тех, которые хотя бы раз попадали в категории 5 или 1. Однако большая их часть характеризуется умеренным или сравнительно низким уровнем коррупции. Речь идет прежде всего о таких странах, как Великобритания и Ирландия. Примечательно, что в этих 10 государствах ситуация улучшается, как правило, неравномерно. В некоторых странах значения показателя *CPI* существенно выросли в 2013 г., а затем увеличивались на меньшую величину. Это, в частности, характерно для Греции, Ирландии, Польши, Сенегала и особенно Эстонии (табл. 8). В Великобритании и Саудовской Аравии рост *CPI* усиливался, а в Пакистане он был небольшим, но стабильным на протяжении всех четырех лет. Интересно, что среди всех стран наиболее значительный и достаточно устойчивый прирост значений *CPI* в абсолютном выражении продемонстрировала Греция.

Таблица 7

Значения показателя *CDI* для стран с наибольшим и наименьшим уровнем коррупции*

Показатель	2012 v 2013	2013 v 2014	2014 v 2015	2012 v 2015
Государства, хотя бы раз попадавшие в категорию 5 (<i>CPI</i> = 81 – 100)	0,074	0,030	0,086	0,240
Государства, хотя бы раз попадавшие в категорию 1 (<i>CPI</i> = 1 – 20)	0,218	0,083	0,055	0,336

Примечание. * расчеты автора.

Сказанное означает также, что распространение коррупции в мире не просто оставалось достаточно постоянным на протяжении последних четырех лет, о чем свидетельствуют результаты настоящей работы, но и вряд ли изменится в обозримом будущем. Если коррупция является одной из предпосылок социально-экономического развития, формирования новых или деградации ранее существовавших рынков, пространственной динамики инновационной деятельности, то вряд ли обстановка с ней в мире будет способствовать изменению сложившейся в настоящее время ситуации. Более того, связь рассматриваемого явления с процессами глобализации [1] означает, что отсутствие позитивных тенденций его динамики не предполагает коррекции и смещения в мировом пространстве этих процессов, что стоит рассматривать именно в негативном ключе.

Анализируя связь предпринимательской и инновационной активности с культурными установками и качеством жизни в разных странах, А. Вудсайд в своей недавней работе убедительно показал, что высокий

уровень коррупции является существенным препятствием на пути реализации стратегий по поддержке стартапов [27]. В этом контексте слабость динамики коррупции на протяжении последних четырех лет означает, что вряд ли можно ожидать появления новых мировых центров инновационного развития. По крайней мере, это касается тех центров, в которых инновации будут следствием именно предпринимательской активности, а не результатом развития соответствующего государственного сектора в экономике. Следовательно, страны, уже идущие по пути «прорывного» развития, получают дополнительное конкурентное преимущество. Такая ситуация имеет и обратную сторону. Доминирование в сфере инноваций все тех же стран означает «узость» конкурентной среды, что может как отрицательно сказаться на соответствующем развитии этих же стран, так и усилить стагнацию во всех остальных. Иными словами, если коррупция действительно является столь существенным препятствием для инновационного экономического развития, то предельная слабость ее динамики,

Таблица 8

Государства с устойчивой тенденцией к улучшению коррупционной среды*

Страны	CPI в 2012 г.	Изменение CPI в сравнении с предшествующим годом		
		2013 г.	2014 г.	2015 г.
Великобритания	74	+2	+2	+3
Греция	36	+4	+3	+3
Ирландия	69	+3	+2	+1
Литва	54	+3	+1	+3
Пакистан	27	+1	+1	+1
Польша	58	+2	+1	+1
Саудовская Аравия	44	+2	+3	+3
Сенегал	36	+5	+2	+1
Словакия	46	+1	+3	+1
Эстония	64	+4	+1	+1

Примечание. * определено автором на основании исходных данных (см. табл. 1).

выявленная в ходе предпринятого анализа, означает отсутствие значимой предпосылки для такого развития.

С учетом всего сказанного логично предполагать, что антикоррупционные мероприятия должны значительно улучшить ситуацию в мире, и при этом может использоваться успешный опыт ряда развитых стран [8–10]. Однако столь простое и очевидное заключение является значительным упрощением. Во-первых, как было показано У. Коулум, противодействие коррупции в мире в течение последних десятилетий никак не повлекло за собой ее снижения, а, наоборот, уровень ее только рос [6]. Добавим, что сама по себе слабость динамики коррупции также не свидетельствует о больших успехах в борьбе с этим явлением. Во-вторых, институциональный анализ, проведенный Л. Уберти, показал, что коррупция связана не только (и, вероятно, даже не столько) с неэффективным государственным управлением, но и с социокультурными установками, формирующимися в развивающихся странах на стадии перехода к тому, что данный специалист называет «промышленным капитализмом» [28]. Он обратил внимание, что «простое копирование» антикоррупционных действий само по себе ничего не дает. В каждой конкретной стране требуется глубокое переосмысление соответствующих стратегий с учетом вышеотмеченных установок.

Обратимся теперь ко второй обозначенной выше проблеме. Мировой финансовый (экономический) кризис начался ближе к концу 2000-х гг. Пик его пришелся на 2008–2009 гг., а восстановление после него заняло несколько лет. В некоторых странах оно еще продолжается, в других – восстановление более или менее завершено, но влияние кризиса еще ощущается, а еще в некоторых – последовала новая волна кризисных явлений. В целом можно говорить о том, что анализируемый в настоящей работе

временной интервал характеризуется посткризисные условия с сохраняющейся экономической нестабильностью. Соответствующие процессы описаны в ряде работ, касающихся как мира в целом, так и отдельных крупных регионов и государств [29–37]. Так, Л.А. Добрынин сравнивает кризисные явления 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг. [30], В.М. Пищулов объясняет негативное воздействие функционирования единой валюты на состояние еврозоны [34, 35], а В.Л. Семенов рассматривает стратегии, которые позволили странам Латинской Америки в достаточной степени успешно противостоять кризису [37]. В целом можно говорить о том, что мировой кризис оказался гетерогенным по своей природе и проявился дифференцированно в пространстве и времени.

Можно предполагать, что столь масштабный кризис мог существенно повлиять на распределение коррупции по государствам. Во-первых, он должен был подчеркнуть проблему коррупции как препятствия на пути экономического развития, с которой стоит бороться «здесь и сейчас». В более общем виде уже было показано, что истоки кризиса стоит искать в неэффективности ранее существовавших моделей управления (например, см. [38]). Это в теории должно было усилить реализацию антикоррупционных стратегий, в т. ч. и на посткризисном этапе. Это хорошо видно на примере Греции, которая оказалась единственным в мире государством, способным не только непрерывно снижать уровень коррупции, но и делать это высокими темпами при сохранении таковых на протяжении нескольких лет подряд (табл. 8). Во-вторых, мировой кризис создал также условия для роста государственной коррупции в тех странах, где это явление и без того было предельно распространено. Связано это с тем, что, с одной стороны, коррупционные схемы оказываются в них основным (по сути институализированным) механизмом

экономического «развития», а, с другой в условиях кризиса контроль за коррупцией может ослабеть из-за сокращения соответствующих затрат и «простого» отвлечения внимания на более насущные проблемы. В подтверждение такой возможности приведем данные по изменению уровня коррупции в 10 наиболее подверженных ей странах (табл. 9). Действительно, в большинстве из них обстановка в посткризисную фазу ухудшалась.

На основании сказанного выше можно сформулировать гипотезу о том, что мировой кризис должен был способствовать возникновению разнонаправленных тенденций изменения уровня коррупции в странах мира и, следовательно, достаточно интенсивной динамике. Однако в действительности, как показано в настоящей работе, этого не происходило. Посткризисный мир характеризуется предельной слабостью изменений как в уровне, так и в пространственном распределении коррупции. Можно предложить два возможных объяснения. Во-первых, даже масштабного кризиса могло оказаться недостаточным для осознания

пагубности распространения коррупции в государстве и причин этого. Косвенно это подтверждается результатами некоторых исследований (например, [28]), а также тем фактом, что даже во многих наименее подверженных данному явлению странах прирост *CPI* снижался по мере «удаления» от кризиса (табл. 8). Во-вторых, целый ряд стран со сравнительно высоким уровнем коррупции в силу тех или иных экономических или геополитических причин достаточно успешно справился с кризисными явлениями. Это касается, в частности, государств Латинской Америки [37], для которых характерен повышенный уровень коррупции в целом (табл. 3) и среди которых преобладают страны второй категории с $CPI = 21 - 40$ (табл. 2). Неизменность коррупционной обстановки в мире со своей стороны означает, что одна из существенных предпосылок кризиса не устраняется, что, вероятно, способствует посткризисной нестабильности и не исключает повторения кризиса и в будущем.

Явление коррупции является по своей природе весьма сложным и, по мнению ав-

Таблица 9

Государства с наибольшим уровнем коррупции по состоянию на 2015 г.*

Страны	CPI в 2012 г.	Изменение CPI в сравнении с предшествующим годом		
		2013 г.	2014 г.	2015 г.
Северная Корея	8	0	0	0
Сомали	8	0	0	0
Афганистан	8	0	+4	-1
Судан	13	-2	0	+1
Ангола	22	+1	-4	-4
Ирак	18	-2	0	0
Ливия	21	-6	+3	-2
Гаити	19	0	0	-2
Гвинея-Бисау	25	-6	0	-2
Венесуэла	19	+1	-1	-2

Примечание. Определено автором на основании исходных данных (см. табл. 1).

тора, тесно связано с управленческой дискрецией. Последняя активно изучается в настоящее время в применении к организациям [39–41], а работа Ж. Вон и Э. Отеню посвящена его всестороннему рассмотрению в сфере государственного управления [42]. В самом общем виде управленческая дискреция означает некоторую допустимую (хотя и не всегда четко регламентированную) свободу действий. Представляется, что таковая подчас достигает границы между легальным и нелегальным и даже выходит за нее. В условиях кризиса управленцы в организациях как рыночного, так и государственного секторов должны иметь и обязаны использовать достаточную дискрецию для оперативного реагирования на негативные явления и адаптации к новым условиям. Однако после прохождения пика кризиса массовое наличие такой дискреции является прямым путем к росту (или, по крайней мере, сохранению) коррупции в явном или скрытом виде. Вполне возможно, это также объясняет отсутствие позитивной динамики коррупции в посткризисном мире.

Заключение

Количественный анализ различных составляющих динамики коррупции в мире в целом и отдельных крупных регионах в 2012–2015 гг. и последующая интерпретация полученных результатов позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, уровень коррупции оставался достаточно высоким и практически не изменялся (слабо выраженная позитивная динамика отме-

чается в Европе). Во-вторых, значительных изменений в распределении коррупции по государствам мира на протяжении изученного временного интервала не происходило. В-третьих, пространственная динамика коррупции оказывается более высокой в странах с очень большим и очень малым развитием этого явления. В-четвертых, мировой кризис не способствовал позитивной и/или более интенсивной динамике коррупции в мире. Наконец, в-пятых, практически неизменная ситуация с коррупцией в мире не позволяет делать оптимистических прогнозов в отношении будущего экономического развития (в т. ч. основанного на инновациях), равно как и касательно повтора кризисных явлений в экономике.

Практическая значимость работы заключается в том, что сделанные в ней выводы могут быть приняты к сведению при разработке государственных программ по противодействию коррупции. Более того, они вполне способны подсказать ряд идей для выработки оптимальных стратегий экономического развития России, включая обнаружение своего рода ниш в мировой экономике, в которых страна может иметь конкурентное преимущество. Двумя важными темами для последующего изучения представляются проведение подобного рода анализа для более длительного временного интервала, что требует разработки методики особого пересчета данных об уровне коррупции в отдельных странах до 2012 г., а также более детальный анализ связи явлений управленческой дискреции и коррупции в конкретных государствах.

Список использованных источников

1. Архипов А.Ю. Институционализация теневой экономики в условиях глобализации. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2007. 240 с.
2. Левин М.И., Матросова К.А., Шилова Н.В. К дискуссии об инновационной политике и коррупции как инструментах расширения возможностей на макроуровне // Финансы и бизнес. 2014. № 4. С. 4–12.
3. Павлов К.В., Головченко Е.Н., Ниценко В.С. Эволюция парадигмы теневой экономики в научных исследованиях // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 1. С. 155–163.
4. Karmann T., Mauer R., Flatten T.C., Brettel M. Entrepreneurial Orientation and Corruption // Journal of Business Ethics. 2016. Vol. 133. P. 223–234.
5. Кузнецова А.Р. Борьба с коррупцией как фактор обеспечения экономической безопасности страны // Российский электронный научный журнал. 2013. № 6. С. 77–91.
6. Cole W.M. Institutionalizing a global anti-corruption regime: Perverse effects on country outcomes, 1984–2012 // International Journal of Comparative Sociology. 2015. Vol. 56. P. 53–80.
7. Beesley C. Globalization and corruption in post-Soviet countries: Perverse effects of economic openness // Eurasian Geography and Economics. 2015. Vol. 56. P. 170–192.
8. Григорьев В.А. Законодательные аспекты противодействия коррупции в западноевропейских странах // Вестник Курганского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2006. № 7. С. 84–89.
9. Кремянская Е.А. Организация борьбы с коррупцией в зарубежных странах: опыт США и Великобритании // Право и управление. XXI век. 2013. № 3. С. 24–31.
10. Обухов Д.П. Исследование опыта зарубежных стран в сфере борьбы с коррупцией // Журнал правовых и экономических исследований. 2011. № 4. С. 65–69.
11. Graycar A., Monaghan O. Rich Country Corruption // International Journal of Public Administration. 2015. Vol. 38. P. 586–595.
12. Montes G.C., Paschoal P.C. Corruption: what are the effects on government effectiveness? Empirical evidence considering developed and developing countries // Applied Economics Letters. 2016. Vol. 23. P. 146–150.
13. Бауман Е.В. Опыт борьбы с коррупцией в странах с развитой экономикой // Актуальные вопросы публичного права. 2012. № 4. С. 26–38.
14. Aladwani A.M. Corruption as a source of e-Government projects failure in developing countries: A theoretical exposition // International Journal of Information Management. 2016. Vol. 36. P. 105–112.
15. Дорофеев И.Н., Латов Ю.В. Стратегические аспекты противодействия коррупции: опыт зарубежных стран и российские перспективы // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 1. С. 90–96.
16. Коньков С.Н. Борьба с коррупцией: правовой опыт РФ и зарубежных стран // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2015. № 1. С. 241–244.
17. Тарасова Е.В., Германова А.В., Давыдкина А.В. Противодействие коррупции. Опыт России и зарубежных стран // Образование, экономика, общество. 2015. № 1–2. С. 110–112.
18. Плясовских А.П. Влияние коррупции на экономику стран мира // Экономика. Бизнес. Банки. 2013. № 2. С. 154–159.
19. Kendall M.G. Rank correlation methods. London: Griffin, 1970. 202 p.
20. Козина А.Т. Практикум по эконометрике. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2011. 96 с.
21. Рубан Д.А. Пространственная динамика региональной инновационной активно-

- сти в России: анализ основных трендов // Известия ВУЗов. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2015. № 3. С. 42–47.
22. Sepkoski J.J. Jr. Quantified Coefficients of Association of Measurement of Similarity // Mathematical Geology. 1974. Vol. 6. P. 135–152.
23. Gower J.C. A general coefficient of similarity and some of its properties // Biometrics. 1971. Vol. 27. P. 857–871.
24. Рубан Д.А. Динамика региональной инновационной активности в России: опыт структурного анализа // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2015. № 2. С. 78–96.
25. Сенькович В.В. Теневая экономика и коррупция как преграда для легальной инвестиционной деятельности (на примере стран Северной Африки) // Финансовый бизнес. 2011. № 2. С. 46–51.
26. Isaksson A.-S. Corruption Along Ethnic Lines: A Study of Individual Corruption Experiences in 17 African Countries // Journal of Development Studies. 2015. Vol. 51. P. 80–92.
27. Woodside A.G., Mir Bernal P., Coduras A. The general theory of culture, entrepreneurship, innovation, and quality-of-life: Comparing nurturing versus thwarting enterprise start-ups in BRIC, Denmark, Germany, and the United States // Industrial Marketing Management. 2016. Vol. 53. P. 136–159.
28. Uberti L.J. Can Institutional Reforms Reduce Corruption? Economic Theory and Patron-Client Politics in Developing Countries // Development and Change. 2016. Vol. 47. P. 317–345.
29. Васина Е.В. Мировые финансовые кризисы и их виды // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4. С. 271–277.
30. Добрынин Л.А. Мировой экономический кризис и период глобальной академической депрессии // Экономика и управление. 2015. № 2. С. 58–64.
31. Варшавский Л.Е. Макроэкономический анализ развития Соединенных Штатов Америки в среднесрочной перспективе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 47. С. 49–63.
32. Ключковский Л.Л. Кризис, трансформационные сдвиги в мировой экономике и Латинская Америка // Латинская Америка. 2010. № 2. С. 4–29.
33. Коокуева В.В. Некоторые аспекты долгового кризиса Европы // Молодой ученый. 2015. № 13. С. 396–401.
34. Пищулов В.М. Еврозона: причины кризиса. Часть I // Финансы и кредит. 2016. № 6. С. 52–68.
35. Пищулов В.М. Еврозона: причины кризиса. Часть II // Финансы и кредит. 2016. № 7. С. 27–41.
36. Свешникова Е.Т. Критический взгляд на проблему кризиса еврозоны // Российский академический журнал. 2014. № 1. С. 68–73.
37. Семенов В.Л. Мировой кризис и политика стабилизации в Латинской Америке и России // Латинская Америка. 2012. № 1. С. 5–18.
38. Tourish D. Developing leaders in turbulent times: Five steps towards integrating soft practices with hard measures of organizational performance // Organizational Dynamics. 2012. Vol. 41. P. 23–31.
39. Рубан Д.А. Новые управленческие возможности для туристических организаций. Ростов-на-Дону: Книга, 2016. 72 с.
40. Espedal B. Is managerial discretion good or bad for organizational adaptiveness? // Leadership. 2015. Vol. 11. P. 142–157.
41. Hutzschenreuter T., Kleindienst I. (How) Does discretion change over time? A contribution toward a dynamic view of managerial discretion // Scandinavian Journal of Management. 2013. Vol. 29. P. 264–281.
42. Vaughn J., Otenyo E. Managerial Discretion in Government Decision Making. Sudbury: Jones and Bartlett Publishers, 2007. 171 p.

Ruban D.A.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

CORRUPTION DYNAMICS IN THE POST-CRISIS WORLD

Abstract. Corruption is typical for all states of the world, but its level differs significantly. In the present work, an attempt is made at spatio-temporal analysis of its changes through the period of 2012–2015 for the entire world and some particular large regions (Europe, Africa, Latin America, South-East Asia). Mean and median values of the corruption index are calculated, and specific indices reflecting the degree of differences in the distribution of corruption by countries between pairs of years are established. These specific indices are based on the correlation coefficient, the Quantified Czekanowski's Coefficient and the Gower Index. The results of the analysis imply that the level of corruption in the world has hardly changed and remained generally high during the past four years. Some positive trends are observed only in Europe. The spatial dynamics was weak. This means that the level of corruption in the states almost did not change relatively to that in the other states. Essentially, this indicates the absence of competition between the countries for a better situation in terms of corruption. Clear tendencies are almost non-existent. Further discussion of the results suggests that the by-country distribution of corruption changed stronger in the cases of its very high and very low levels. The global financial (economic) crisis would facilitate multi-directional tendencies in the change of the corruption level and, consequently, the relatively intense dynamics. However, conclusions made in the present work point to the opposite. This may be explained by an insufficiently deep understanding of the factor of corruption and the fact that some countries with a relatively high level of corruption resisted the crisis successfully because of certain economic or geopolitical causes. Moreover, the administrative discretion that increased in the crisis times might have had its impact, too. Generally, the almost unchanged situation as regards corruption in the world does not allow for making optimistic prognoses about future economic development (also based on innovations), as well as it does not exclude the recurrence of crisis phenomena in the economy.

Key words: state governance; quantitative analysis; corruption; spatial dynamics; economic crisis.

References

1. Arkhipov, A.Iu. (2007). *[Institutionalization of shadow economy amid globalization]*. Rostov-na-Donu, Southern Federal University.
2. Levin, M.I., Matrosova, K.A., Shilova, N.V. (2014). [On innovation policy and corruption as instruments of expanding opportunities at the macro level]. *Finansy i biznes [Finance and business]*, No 4, 4–12.
3. Pavlov, K.V., Golovchenko, E.N., Nitsenko, V.S. (2016). [The evolution of the shadow economy paradigm in research]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National interests: Priorities and security]*, No 1, 155–163.
4. Karmann, T., Mauer, R., Flatten, T.C., Brettel, M. (2016). Entrepreneurial Orientation and Corruption. *Journal of Business Ethics*, Vol. 133, 223–234.

5. Kuznetsova, A.R. (2013). [The fight against corruption as a factor of ensuring national economic security]. *Rossiiskii elektronnyi nauchnyi zhurnal [Russian electronic scientific journal]*, No 6, 77–91.
6. Cole, W.M. (2015). Institutionalizing a global anti-corruption regime: Perverse effects on country outcomes, 1984–2012. *International Journal of Comparative Sociology*, Vol. 56, 53–80.
7. Beesley, C. (2015). Globalization and corruption in post-Soviet countries: Perverse effects of economic openness. *Eurasian Geography and Economics*, Vol. 56, 170–192.
8. Grigor'ev, V.A. (2006). [Legislative aspects of the fight against corruption in Western Europe]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki. [Bulletin of Kurgan State University. Series Humanities]*, No 7, 84–89.
9. Kremianskaia, E.A. (2013). [Organizational provisions of the fight against corruption abroad: the experience of the USA and Great Britain]. *Pravo i upravlenie. XXI vek. (Law and Management: 21st Century)*, No 3, 24–31.
10. Obukhov, D.P. (2011). [Study into the experience of other countries in the fight against corruption]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy (Journal of Legal and Economic Studies)*, No 4, 65–69.
11. Graycar, A., Monaghan, O. (2015). Rich Country Corruption. *International Journal of Public Administration*, Vol. 38, 586–595.
12. Montes, G.C., Paschoal, P.C. (2016). Corruption: what are the effects on government effectiveness? Empirical evidence considering developed and developing countries. *Applied Economics Letters*, Vol. 23, 146–150.
13. Bauman, E.V. (2012). [The experience of combating corruption in countries with developed economies]. *Aktual'nye voprosy publichnogo prava (Topical issues of public law)*, No 4, 26–38.
14. Aladwani, A.M. (2016). Corruption as a source of e-Government projects failure in developing countries: A theoretical exposition. *International Journal of Information Management*, Vol. 36, 105–112.
15. Dorofeev, I.N., Latov, Iu.V. (2011). [Strategic aspects of countering corruption: experience of other countries and prospects for Russia]. *Trudy Akademii upravleniia MVD Rossii [Proceedings of the Management Academy of the Russian Interior Ministry]*, No 1, 90–96.
16. Kon'kov, S.N. (2015). [The fight against corruption: legal experience of the Russian Federation and other countries]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniia [Current problems of contemporary science, technology and education]*, No 1, 241–244.
17. Tarasova, E.V., Germanova, A.V., Davydkina, A.V. (2015). [The fight against corruption. The experience of Russia and foreign countries]. *Obrazovanie, ekonomika, obshchestvo [Education, economics, society]*, No 1–2, 110–112.
18. Pliasovskikh, A.P. (2013). [The influence of corruption on the economies of countries]. *Ekonomika. Biznes. Banki [Economics. Business. Banks]*, No 2, 154–159.
19. Kendall, M.G. (1970). *Rank correlation methods*. London, Griffin, 202.
20. Kozinova, A.T. (2011). *Praktikum po ekonometrike [Exercises in*

- econometrics*]. Nizhny Novgorod University.
21. Ruban, D.A. (2015). [Spacial dynamics of regional innovation activity in Russia: Analysis of key trends]. *Izvestiia VUZov. Seriiia «Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom» [News Of Higher Educational Institutions. A Series «Economy, Finance And Production Management»]*, No 3, 42–47.
 22. Sepkoski, J.J. Jr. (1974). Quantified Coefficients of Association of Measurement of Similarity. *Mathematical Geology*, Vol. 6, 135–152.
 23. Gower, J.C. (1971). A general coefficient of similarity and some of its properties. *Biometrics*, Vol. 27, 857–871.
 24. Ruban, D.A. (2015). [The dynamics of regional innovation activity in Russia: An experience with the structural analysis]. *Vestnik UrFU. Seriiia ekonomika i upravlenie [Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management]*, No 2, 78–96.
 25. Sen'kovich, V.V. (2011). [Shadow economy and corruption as an obstacle for legal investment activity (according to Northern Africa)]. *Finansovyi biznes [Financial Business]*, No 2, 46–51.
 26. Isaksson, A.-S. (2015). Corruption Along Ethnic Lines: A Study of Individual Corruption Experiences in 17 African Countries. *Journal of Development Studies*, Vol. 51, 80–92.
 27. Woodside, A.G., Mir Bernal, P., Coduras, A. (2016). The general theory of culture, entrepreneurship, innovation, and quality-of-life: Comparing nurturing versus thwarting enterprise start-ups in BRIC, Denmark, Germany, and the United States. *Industrial Marketing Management*, Vol. 53, 136–159.
 28. Uberti, L.J. (2016). Can Institutional Reforms Reduce Corruption? Economic Theory and Patron-Client Politics in Developing Countries. *Development and Change*, Vol. 47, 317–345.
 29. Vasina, E.V. (2015). [The Global Financial Crises and Their Types]. *Vestnik MGIMO-Universiteta. (Vestnik MGIMO-Universty)*, No 4, 271–277.
 30. Dobrynin, L.A. (2015). [Global economic crisis and the period of global academic depression]. *Ekonomika i upravlenie (Economics and management)*, No 2, 58–64.
 31. Varshavskii, L.E. (2014). [A macro-economic analysis of the USA medium term development]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security]*, No 47, 49–63.
 32. Klochkovskii, L.L. (2010). [Crisis, transformational shifts in the global economy and Latin America]. *Latinskaya Amerika*, No 2, 4–29.
 33. Kookueva, V.V. (2015). [Some aspects of the debt crisis in Europe]. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, No 13, 396–401.
 34. Pishchulov, V.M. (2016). [Euro-zone: the causes of the crisis. Part I]. *Finansy i kredit (Finance and credit)*, No 6, 52–68.
 35. Pishchulov, V.M. (2016). [Euro-zone: the causes of the crisis. Part II]. *Finansy i kredit (Finance and credit)*, No 7, 27–41.
 36. Sveshnikova, E.T. (2014). [The critical ciew at the Eurozone crisis problem]. *Rossiiskii akademicheskii zhurnal (The Russian Academic Journal)*, No 1, 68–73.

37. Semenov, V.L. (2012). [World crisis and the policy of stabilization in Latin America and Russia]. *Latinskaya Amerika [Latin America]*, No 1, 5–18.
38. Tourish, D. (2012). Developing leaders in turbulent times: Five steps towards integrating soft practices with hard measures of organizational performance. *Organizational Dynamics*, Vol. 41, 23–31.
39. Ruban, D.A. (2016) [*New administrative opportunities for tourism organizations*]. Rostov-na-Donu, Kniga.
40. Espedal, B. (2015). Is managerial discretion good or bad for organizational adaptiveness? *Leadership*, Vol. 11, 142–157.
41. Hutzschenreuter, T., Kleindienst, I. (2013). (How) Does discretion change over time? A contribution toward a dynamic view of managerial discretion. *Scandinavian Journal of Management*, Vol. 29, 264–281.
42. Vaughn, J., Otenyo, E. (2007). *Managerial Discretion in Government Decision Making*. Sudbury, Jones and Bartlett Publishers, 171.

Information about the author

Ruban Dmitry Aleksandrovitch – Philosophiae Doctor, Candidate of Geological-Mineralogical Sciences, Associate Professor, Department of Tourism, Higher School of Business, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (344019, Rostov-on-Don, 23-ya Linija Street, 43); e-mail: ruban-d@mail.ru.